

ПОВЕСТЬ «ЮЛИЯ» КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ ТВОРЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ Н.М. КАРАМЗИНА

Е.Р. Лочмелис

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; dostfm182181@mail.ru

Аннотация: Тема статьи — повесть «Юлия» Н.М. Карамзина в ее отношении к литературному источнику, роману Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза», и к поздним повестям автора «Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный». Доказывается, что «Юлия» в литературном (формально-содержательном) отношении сильно зависит от произведений Руссо, но вместе с тем содержит структурные элементы, которые будут разрабатываться Карамзиным и в дальнейшем.

«Юлия» — дидактическая повесть, персонажи которой читают «Элоизу» и «Эмилия», сообразуя свои поступки с содержащимися в этих книгах предписаниями. Несогласие же с идеями Руссо высказывает не автор, а героиня, тогда как на композиционном уровне руссоистский пафос, напротив, утверждается.

«Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный» возможно рассматривать как варианты реализации одного замысла: они создаются в одно время, в своей основе имеют сюжетную модель романа «Новая Элоиза» — любовный треугольник, включающий персонажей, противопоставленных по критерию «чувствительности», и отражают уже оформившееся к 1796 г. расхождение Карамзина со взглядами Руссо. Кроме того, в них отчетливо просматривается романная структура и меняется тип конфликтной ситуации — это не нравственный выбор между добродетелью и пороком, а конфликт художника и толпы, что объясняется переориентацией Карамзина на немецкую романную традицию, в частности на жанр романа воспитания.

Все это дает основание рассматривать «Юлию» как претекст по отношению к поздней прозе Карамзина, что позволяет проследить его творческую эволюцию, выразившуюся в переосмыслении заданных сюжетных моделей и персонажных схем. Сравнение «Рыцаря нашего времени», «Моей исповеди» и «Чувствительного и холодного» не с зарубежными источниками (произведения Руссо и Гёте), а с более ранней повестью самого Карамзина позволяет увидеть специфические черты, которыми отмечены тексты 1799–1803 гг.

Ключевые слова: Карамзин; Руссо; Гёте; сюжет; модель; композиция; вариант; трансформация

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-10

Для цитирования: Лочмелис Е.Р. Повесть «Юлия» как один из этапов творческой эволюции Н.М. Карамзина // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 112–122.

THE STORY *JULIA* AS ONE OF KARAMZIN'S CREATIVE EVOLUTION STAGES

E.R. Lochmelis

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; dostfm182181@mail.ru

The article analyzes Karamzin's story *Julia* in its relation to the literary source — the novel *Julie, or the New Heloise* by Jean-Jacques Rousseau — and to the late stories, written by Karamzin (*A Knight of Our Times*, *My Confession*, *The Sensitive and the Cold*).

Comparative analysis proves that *Julia* is highly dependent on the Rousseau's works, but at the same time contains all the structural elements developed in Karamzin's later stories.

Julia is a didactic story; its heroes read *Heloise* and *Emile*, comparing their actions with the instructions in these books. Disagreement with the Rousseau's ideas is expressed not by the author, but by the heroine, while at the compositional level the Rousseauist pathos, on the contrary, is affirmed.

Three late stories (*A Knight of Our Times*, *My Confession*, *The Sensitive and the Cold*) share a rather simple plot scheme — or content core — Rousseauist love triangle, which includes characters contrasted by the criterion of 'sensitivity'. They should be considered as variants of one idea, because they are created at the same time, are based on the plot model from Jean-Jacques Rousseau's novel *Julie, or the New Heloise* and reflect Karamzin's divergence with Rousseau's views.

Moreover, it is noticeable that in these texts the novel structure became visible and the type of conflict situation was changed. It is not a moral choice between virtue and vice, but a conflict between the artist and the crowd, which is explained by Karamzin's reorientation to the German novel tradition, in particular, to the genre of the Bildungsroman.

This fact allows us to trace Karamzin's creative evolution, expressed in rethinking given plot models and character schemes. A comparison of *A Knight of Our Times*, *My Confession* and *The Sensitive and the Cold* not with foreign sources (works of Rousseau and Goethe), but with an earlier story by Karamzin himself allows us to explicate the specific features of the period of 1799–1803.

Keywords: Nikolay Karamzin; Jean-Jacques Rousseau; Goethe; plot; model; composition; invariant; transformation

For citation: Lochmelis E. (2023) The Story *Julia* as One of Karamzin's Creative Evolution Stages. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 112–122.

Предмет предлагаемого исследования — повесть Карамзина «Юлия», написанная в 1794 г. (для третьей книги альманаха «Аглая») и опубликованная отдельным изданием в 1796 г.: к этому моменту

уже в полной мере проявилось расхождение Карамзина со взглядами Руссо «на природу и воспитание человека» [Краснощекова 2008: 44], нашедшее отражение в текстах 1799–1803 гг.

«Юлия» неоднократно становилась предметом внимания исследователей. Так, об особенностях психологизма в произведениях Руссо и Карамзина писала А.Н. Беляева [Беляева 2018: 50–58], композиции повести посвящены работы А.Ю. Тираспольской [Тираспольская 2016: 32–36]. Говорилось и о том, что в «Юлии» заложены «мотивы, формы и даже некоторые внутренние черты психологического романа XIX в.» [Гуковский 1939: 510]. Однако ни одна из работ не отвечает на вопрос о значении «Юлии» в контексте всего творчества Карамзина; между тем повесть возможно рассмотреть как этапное произведение, подводящее итоги предшествующего периода творчества и содержащее новые интенции, как претекст по отношению к произведениям 1799–1803 гг. («Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный»).

«Юлия» — дидактическая повесть с выведенной в конце моралью, созданная под сильным влиянием Руссо: ее персонажи читают «Элоизу» и «Эмилю», сообразуя свои поступки с содержащимися в этих книгах предписаниями.

Несогласие же с идеями Руссо высказывает не автор, а героиня, кредит читательского доверия к которой невелик: есть объективный (третьеличный) повествователь; сам сюжет повести предполагает исправление героини в финале. «Мне кажется, что Руссо писал более по воображению, нежели по сердцу» [Карамзин 1979: 112], — говорит героиня, в то время как на композиционном уровне руссоистский пафос, напротив, утверждается: Юлия «примером своим доказала, что легкомыслие молодой женщины может быть иногда покрывалом или завесою величайших добродетелей» [Карамзин 1979: 118].

Следовательно, в отличие от произведений 1799–1803 гг., «Юлия» в литературном (формально-содержательном) отношении сильно зависит от произведений Руссо. Но в связи с тем, что некоторые из тенденций (сохранение романной ситуации, заимствованной из «Элоизы» Руссо, и системы персонажей; недопущение нравственного падения главных героинь и их дискредитации) характерны и для более поздних произведений автора, представляется целесообразным рассмотреть «Юлию» как текст, предшествующий появлению «Рыцаря нашего времени» (1799–1803 гг.), «Моей исповеди» (1802 г.) и «Чувствительного и холодного» (1803 г.).

Произведения 1799–1803 гг. уже сопоставлялись [Лотман 1998: 18; Краснощекова 1996: 66–74; Краснощекова 2008: 20–48; Сапченко 1996: 93–101], хотя как «единый текст» повести Карамзина не анализировались. Типологическое сходство между «чувствитель-

ными» и «холодными» характерами отмечалось неоднократно. Для ряда исследований является общей мысль о том, что «в “Чувствительном и холодном”, с его “двумя характерами”, <...> как в зародыше, заложены все антитетические пары героев русской литературы середины XIX века» ([Берков 1969: 16]; см. также, напр., [Манн 1995: 263–264; Удодов 1973: 513]).

«Рыцарь нашего времени», «Моя исповедь», «Чувствительный и холодный» возможно рассматривать как варианты реализации исходного сюжетного инварианта: они создаются в одно время и, как и «Юлия», в своей основе имеют сюжетную модель «Новой Элоизы» (о том, как формировался и функционировал сюжетный инвариант, подробнее см. [Лочмелис 2019а: 153–161]).

Под исходной — прототипической — моделью понимается руссоистский любовный треугольник, включающий персонажей, противопоставленных по критерию «чувствительности», — это та изначально заданная схема, попытки усложнения которой Карамзин предпринимает во всех произведениях анализируемого периода. Сюжет «Новой Элоизы» претерпевает ряд однородных трансформаций:

а) связанных с контекстом других текстов Руссо: «Эмилия» и «Исповеди» [Краснощекова 2001: 52–78; Краснощекова 2008: 20–48];

б) связанных с вариативным повторением романной ситуации (в «Чувствительном и холодном» трансформация особенно наглядна: симметричная система персонажей позволяет произвести замену признаков «чувствительности» и «холодности» и зеркально отразить руссоистский любовный треугольник: Эраст — Каллиста — Леонид, Леонид — Нина — Эраст);

в) связанных с включением жизненного материала в пространство художественного текста;

г) связанных с переориентацией Карамзина на немецкую романную традицию, в частности на жанр романа воспитания, образцом которого служит «Вильгельм Мейстер» Гёте, вышедший в 1795 г. и отрецензированный Карамзиным в «Московских ведомостях». С этим же произведением связано появление романтических тенденций в поздней прозе Карамзина [см.: Лочмелис 2019: 37–50], например мысли о двоemiрии: «Поэт имеет две жизни, два мира; если ему скучно и неприятно в существенном, он уходит в страну воображения, и живет там по своему вкусу и сердцу <...>» [Карамзин 1866: 69] (письмо 1796 г.). Конфликт художника и человека материальных ценностей, невозможность реализовать подавляемый окружением внутренний потенциал намечены в «Рыцаре нашего времени» и развернуто изображены в «Чувствительном и холодном».

Поскольку в «Рыцаре нашего времени», «Моей исповеди» и отчасти в «Чувствительном и холодном» ставится задача показать

героя — личностную проекцию автора — на всех этапах его формирования, в жанрово-композиционном отношении произведения 1799–1803 гг. можно описать, в отличие от ранних повестей, как тексты романного типа.

Так, в «Юлии» все структурные элементы сосредоточены вокруг одной ситуации — нравственного выбора между добродетелью и пороком, а не организованы последовательно в соответствии с биографией героя.

По-видимому, замысел «Рыцаря нашего времени», «Моей исповеди» и «Чувствительного и холодного» оформился несколькими годами позже и оказался связан с внутренним душевным кризисом, проявившимся в переписке Карамзина с Дмитриевым. В конце 1790-х Карамзин входит в имущественные дела Плещеевых, несмотря на то что Настасья Ивановна «давно уже обходится с ним холодно» [Карамзин 1866: 113], затем родами умирает Е.И. Карамзина — все это находит отражение в произведениях 1799–1803 гг., где литературные мотивы приобретают глубоко личное звучание.

В «Юлии» нет трагически естественной развязки руссоистской любовной коллизии, как нет и смерти «чувствительной» жены «холодного», — между тем так характеризует Карамзин созданных им позднее персонажей, которых наделяет теми взглядами и суждениями, что владеют им самим после возвращения из путешествия:

«Восторги редки и дороги; их почти страшно желать <...>. Лучше жить не долго, да умереть хорошо, то есть покойно, тихо, без большого страдания» [Карамзин 1866: 90–91]. Ср.: «Он [Леонид] умер без надежды и страха, как обыкновенно засыпал всякий вечер» [Карамзин 1964а: 754].

Главное действующее лицо «Юлии» — мятущаяся героиня, а не наделенный автобиографическими чертами герой, как это будет в повестях 1799–1803 гг.

Дважды оформляется, но не получает развития любовная коллизия руссоистского типа, в которой Юлия воплощает идеал добродетели. Отсутствует и характерный для трех позднейших текстов Карамзина персонаж, функционально замещающий Вольмара (граф Миров, старый князь, Леонид); такой персонаж впоследствии даст возможность точнее воспроизвести модель «Новой Элоизы», а ее использованию придать вид сознательной художественной игры.

Важно, что «Юлия» композиционно делится на две части, каждая из которых получает индивидуальное эстетическое оформление.

Первая часть выполнена с опорой на эстетику рокайльного романа и просветительской сатиры. Литературе рококо, стадияльно предшествовавшей романам руссоистского типа, присуще стремление «говорить о серьезном легко, непринужденно, изящно и остро-

умно» (что наиболее отчетливо проявилось в «Моей исповеди») [Пахсарьян 1996: 59–68]. Однако такие черты, как «игривость, фривольность, легкость, изящество, любовь к роскоши, гедонизм и эротизм, <...> понимание счастья как наслаждения» [Пахсарьян 2004: 272] вкупе с эвфемистической формой выражения и частотными фигурами умолчания свойственны прозе Карамзина в целом. Ср.:

«Юлия»: «Но скромность есть нужная добродетель и для самого сказочника. К тому же, не знаю отчего, собственное сердце мое бьется так сильно, когда я воображаю себе подобные сцены... Может быть, какие-нибудь темные воспоминания... Оставим» [Карамзин 1979: 110].

«Рыцарь нашего времени»: «Эмилия снимает с себя белую кофточку и беретя рукою за кисейный платок на груди своей... Читатель ожидает от меня картины во вкусе золотого века: ошибается! Лета научают скромности <...>» [Карамзин 1964а: 781].

Высший свет — та сцена, на которую Карамзиным выводится галерея масок: молодой Легкоум, статный Храброн, забавный Пустослов и, наконец, волокита (князь N*) и влюбленный (Арис, который «не думал представлять картинного любовника» [Карамзин 1979: 107], оказался обрисован детальнее).

В системе Карамзина князь N* и Арис — холодный и чувствительный характеры. Однако персонажи «Юлии» еще не функционируют как двойники, в отличие от Эраста и Леонида в «Чувствительном и холодном». Образ князя N* еще не оформляется как «холодный» характер, тогда как в Арисе уже узнается чувствительный меланхолик. Как и Сен-Пре, Арис отправляется в путешествие с мыслями: «Не будет у меня ни отечества, ни друзей; будет одно чувство для горести и меланхолии!» [Карамзин 1979: 114] — мотив, оставшийся впоследствии и в «Чувствительном и холодном».

Схожим образом светское общество изображено и в «Моей исповеди»: главный герой ее — граф NN — на протяжении всего повествования меняет сатирические маски.

В первой же части складывается система персонажей, которая, как и отдельные сюжетные схождения, позволяет говорить о специфике методов включения руссоистского субстрата.

Имя «Юлия» в позднейших текстах заменяется на «Эмилию» — его носят героини, наделенные той же функциональной ролью в сюжете, что и г-жа д'Этанж. Вероятно, такая номинация связана с тем, что в 1788 г. Карамзин переводит трагедию Лессинга «Эмилия Галотти». Эмилия Карамзина в «Рыцаре нашего времени» и «Моей исповеди» такая же «чувствительная, пылкая» [Карамзин 1964b: 86], как и ее литературный прототип; основная характеристика героини — добродетель, тогда как главный страх ее — поддаться соблазну.

Арис схож с Сен-Пре, «молодым человеком обыкновенной наружности», чье лицо «говорит о чувствительности» [Руссо 1968: 739]: «Не будучи красавцем, он нравился <...> взорами, одушевленными огнем внутреннего чувства» [Карамзин 1979: 107].

При этом, в отличие от Эраста и Вильгельма Мейстера, отмеченных говорливостью и неспособностью слушать других, Арис «говорил немного, но всегда основательно и приятно» [Карамзин 1979: 107].

Князь N* — персонаж, который еще не вполне развился из типа волокиты в «холодный» флегматический характер, а потому мало связан с Вольмаром Руссо (отсутствует совпадение по возрасту — черта, которая в «Моей исповеди» нужна для снижения образа старого князя). Как и князь N*, граф NN может быть назван «ветреным», «легкомысленным» [Карамзин 1979: 108, 111], а на сюжетном уровне он выступает первым увлечением героини (Юлии или Эмили), к которому она возвращается, будучи в браке. Князь N* близок графу NN по ряду характеристик. Ср.:

«<...> **молодой князь N*, любимец природы и счастья, которые осыпали его всеми блестящими дарами своими, знатный, богатый, прекрасный собою**» [Карамзин 1979: 108].

«**Природа и судьба уговорились сделать тебя [графа NN] образцом любезности и счастья; ты прекрасен, умен, богат и знатен; довольно для блестящей роли в свете!**» [Карамзин 1964а: 730]

«Эраст был **молод, прекрасен, умен и богат: сколько прав наслаждаться светом!**» [Карамзин 1964а: 745]

Характеристика (с тем же синтаксическим оформлением) впоследствии перейдет не к «холодному» Леониду, а к Эрасту: определение «знатен» окажется заменено на «молод»: к 1803 г. система достраивается и точнее повторяет заданную Руссо модель, а типология, подразумевающая деление персонажей по критерию «чувствительности», связывается с возрастом.

Увлечение светом и чувствительность становятся приметамы молодости (Сен-Пре, граф NN, Леон, Эраст), а ум, рассудочность, внутреннее спокойствие и охлаждение — приметамы зрелости и старости (Вольмар, граф Миров, Леонид). Именно поэтому Леонид не охарактеризован по критерию «возраст» на протяжении той части повести, где еще действует Эраст, антитезой которому он является.

Одна из самостоятельных (отсутствующих у Руссо и Гёте) сюжетных линий «Чувствительного и холодного» (Эраст — Нина — Леонид) присутствовала уже в «Юлии». Нине «хочется видеть в пылкой деятельности сердце флегматическое» [Карамзин 1964а: 748], поскольку «холодные люди иногда более чувствительных нравятся женщинам» [Карамзин 1964а: 748]; теми же чувствами движима и Юлия: «<...> носился по городу слух, что князь нечувствителен

к женским прелестям, что Амуровы стрелы не берут его сердце <...>. Какой вызов для самолюбия женщин!» [Карамзин 1979: 108]. Однако впоследствии князь N*, как и Леонид, уезжает из Москвы, что и становится причиной обморока Юлии и Нины.

Мысль о том, что «легче удержаться от первой, нежели от второй вины» [Карамзин 1964а: 749], произнесенная в «Чувствительном и холодном» в качестве причины, по которой Эраст «развелся с женою» [Карамзин 1964а: 749], в «Юлии» тоже звучит («Чему удивиться? <...> старая дружба!» [Карамзин 1979: 113]) и объясняет произошедший между героями разрыв.

Во второй части вновь актуализируется руссоистский контекст и эстетика просветительского сентиментализма. Юлия «становится ангелом непорочности» [Карамзин 1979: 115] и родившегося сына воспитывает в соответствии с изложенными в «Эмиле» принципами: на лоне природы «маленький Эраст расцветал, как розан» [Карамзин 1979: 117], то же и в романе «Рыцарь нашего времени»: детство Леона — «истинная Аркадия жизни» [Карамзин 1964а: 758].

Однако в «Рыцаре нашего времени» весь комплекс устойчивых мотивов — деревенский топос, образы нежной матери и ее сына, чувствительного мальчика (Эраста или Леона) — сместится в начало текста, что связано с ориентацией Карамзина на роман воспитания, задача которого — изобразить последовательное становление героя на всех этапах его жизни: «Я иду только с пером вслед за судьбою и описываю, что творит она по своему всемогуществу» [Карамзин 1964а: 761].

Поскольку связанные с возрастом категории «чувствительности» и «холодности» в эстетической системе Карамзина никогда не сосуществуют одновременно в одном персонаже, но легко перераспределяются между двумя героями-двойниками, то для интерпретации «Чувствительного и холодного» важно, что в «Юлии» чувствительного мальчика зовут Эраст, а в «Рыцаре нашего времени» — Леон. Эраст в «Чувствительном и холодном» — «вариация повзрослевшего Леона» [Краснощекова 2008: 44], противопоставленного «холодным», что «не живут, а дремлют в свете и плачут только от одной зевоты» [Карамзин 1964а: 772].

Герой романа «Рыцарь нашего времени» представляет два противоположных характера — Эраста и Леонида — в их соединении. В мыслях и поступках Леон во многом схож с Эрастом: ему так же предстоит перетерпеть «все горести, все свирепые бури, которые волнуют жизнь чувствительных» [Карамзин 1964а: 759], само же имя Леона «переходит» [Краснощекова 2008: 44] к «холодному» Леониду.

Следовательно, в повести «Чувствительный и холодный», продолжившей «Рыцаря нашего времени», отражено движение от дет-

ства (рождения) к старости и смерти, а Эраст и Леонид — воплощения одного человека на разных этапах его жизни, в том числе и внутренней, духовной. Неслучайно поэтому, что повесть оканчивается описанием последних лет жизни Леонида, душа которого «настрадалась уже в каком-нибудь первобытном состоянии и хотела единственно отдохнуть» [Карамзин 1964а: 754], причем под «первобытным состоянием» подразумевается «изнуренная страстями» [Карамзин 1964а: 752] душа молодого Эраста.

С Леонидом связаны мотивные группы, не соотносимые с темой юности; его самого нельзя причислить к тем людям, которые «по большей части входят в связи с женщинами ветреными» [Карамзин 1964а: 746], — причина, по которой свойства волокит князя N* и графа NN оказались приписаны Эрасту, а не «холодному» Леониду.

Таким образом, в «Юлии» заложены структурные элементы, которые будут разрабатываться Карамзиным и в дальнейшем, а полемика со взглядами Руссо, оформившаяся в середине 1790-х (см. подробнее: [Лотман 1998: 287]), заканчивается отходом от традиции просветительского сентиментализма, о чем свидетельствуют как естественные трагические финалы «Чувствительного и холодного» и «Моей исповеди», так и ироничность авторского тона, иногда переходящая в прямое пародирование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева А.Н. Проблема психологизма в романе Ж.-Ж. Руссо «Юлия, или Новая Элоиза» и повести Н.М. Карамзина «Юлия» // Вопросы русской литературы. 2018. № 1. С. 50–58.
2. Берков П.Н. Державин и Карамзин в истории русской литературы конца XVIII–начала XIX века // XVIII век. Сб. 8. Л., 1969. С. 5–18.
3. Гуковский Г.А. Русская литература XVIII века. М., 1939.
4. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: в 2 тт. М.; Л., т. 1 (1964а), т. 2 (1964б).
5. Карамзин Н.М. Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866.
6. Карамзин Н.М. Юлия // Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С. 106–119.
7. Краснощекова Е.А. Карамзин и Руссо: «Рыцарь нашего времени» // Карамзинский сборник: Россия и Европа: диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 52–75.
8. Краснощекова Е.А. «Два характера»: «Чувствительный и холодный» Н.М. Карамзина и «Обыкновенная история» И.А. Гончарова // Карамзинский сборник: Творчество Н. М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск, 1996. С. 66–74.
9. Краснощекова Е.А. Роман воспитания — Bildungsroman — на русской почве: Карамзин. Пушкин. Гончаров. Толстой. Достоевский. СПб., 2008.
10. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1998.
11. Лочмелис Е.Р. Гёте и Карамзин: опыт усвоения сюжетной модели романа Руссо «Новая Элоиза» (на примере романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» и повести «Чувствительный и холодный») // Текстология и историко-литературный процесс. М., 2019. С. 37–50.
12. Лочмелис Е.Р. Проблема сюжетного инварианта в поздней прозе Н.М. Карамзина // Stephanos. М., 2019а. №3 (35). С. 153–161.

13. Манн Ю.В. Динамика русского романтизма. М., 1995.
14. Пахсарьян Н.Т. Искусство жить рокально // XVIII век: Искусство жить и жизнь искусства. М., 2004. С. 272–279.
15. Пахсарьян Н.Т. Основные литературные направления XVIII века // История зарубежной литературы XVII — XVIII веков: Учебно-методическое пособие. М., 1996. С. 59–68.
16. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. М., 1968.
17. Сапченко Л.А. «Чувствительный и холодный» Н.М. Карамзина и типология «двух характеров» в русской литературе первой половины XIX века // Карамзинский сборник: Творчество Н.М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск, 1996. С. 93–101.
18. Тираспольская А.Ю. Повесть Н.М. Карамзина «Юлия»: наблюдения над композицией произведения // Печать и слово Санкт-Петербурга. Петербургские чтения — 2015. СПб., 2016. С. 32–36.
19. Удодов Б.Т. Лермонтов: художественная индивидуальность и творческие процессы. Воронеж, 1973.

REFERENCES

1. Belyaeva A.N. *Problema psihologizma v romane Zh.-Zh. Russo «Julija, ili Novaja Jeloiza» i povesti N.M. Karamzina «Julija»* [Psychologism Problem in J.-J. Rousseau's Novel "Julie, or The New Heloise" and N.M. Karamzin's Story "Julia"]. *Voprosy russkoj literatury* [Russian Literature Issues]. 2018, №1, pp. 50–58. (In Russ.).
2. Berkov P.N. *Derzhavin i Karamzin v istorii russkoj literatury konca XVIII—nachala XIX veka* [Derzhavin and Karamzin in the History of Russian Literature of the late 18th — early 19th Centuries]. *18 vek* [18th Century]. 1969, Vol. 8, pp. 5–18. (In Russ.).
3. Gukovsky G.A. *Russkaja literatura XVIII veka*. [Russian Literature of the 18th Century]. Moscow, Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo narkomprosa RSFSR. 1939. 529 p.
4. Karamzin N.M. *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]: In 2 vols. Vol. 1. Moscow; Leningrad, *Khudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1964a. 810 p.; vol. 2, 1964b. 591 p.
5. Karamzin N.M. *Pis'ma N. M. Karamzina k I.I. Dmitrievu* [Letters of N. Karamzin to I. Dmitriev]. St.-Petersburg, *Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk Publ.*, 1866. 730 p.
6. Karamzin N.M. Yuliya [Julia]. *Russkaya sentimental'naya povest'* [Russian Sentimental Tale]. Moscow, *Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta*, 1979, pp. 106–119. (In Russ.).
7. Krasnoshchekova E.A. *Karamzin i Russo: «Rycar' nashego vremeni»* [Karamzin and Rousseau: "A Knight of Our Times"]. *Karamzinskij sbornik: Rossija i Evropa: dialog kul'tur* [The Karamzin Collection: Russia and Europe: a Dialogue of Cultures]. 2001, pp. 52–75. (In Russ.).
8. Krasnoshchekova E.A. «Dva haraktera»: «Chuvstvitel'nyj i holodnyj» N.M. Karamzina i «Obyknovennaja istorija» I.A. Goncharova [“Two characters”: “The Sensitive and the Cold” by N.M. Karamzin and “A Common Story” by I.A. Goncharov]. *Karamzinskij sbornik: Tvorchestvo N.M. Karamzina i istoriko-literaturnyj process* [The Karamzin Collection: N.M. Karamzin's Creativity and Historical-Literary Process]. 1996, pp. 66–74. (In Russ.).
9. Krasnoshchekova E.A. *Roman vospitaniya — Bildungsroman — na russkoj pochve: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoj. Dostoevskij* [Upbringing Novel — Bildungsroman — on Russian Soil: Karamzin. Pushkin. Goncharov. Tolstoy. Dostoevsky]. St.-Petersburg, *Pushkin Fund Publishing House*, 2008. 480 p.
10. Lotman Yu.M. *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow, *Molodaya Gvardiya Publ.*, 1998. 382 p.

11. Lochmelis E.R. *Gjote i Karamzin: opyt usvoenija sjuzhetnoj modeli romana Russo «Novaja Jeloiza» (na primere romana «Gody uchenija Vil'gel'ma Mejstera» i povesti «Chuvstvitel'nyj i holodnyj»)* [Goethe and Karamzin: The Experience of Mastering the Plot Model of Rousseau's Novel "Julie, or The New Heloise" (on The Example of the Novel "Wilhelm Meister's Apprenticeship" and The Story "The Sensitive and the Cold")]. *Tehstologija i istoriko-literaturnyj process* [Textology and the Historical and Literary Process]. 2019, Vol. 7, pp. 37–50. (In Russ.).
12. Lochmelis E.R. *Problema sjuzhetnogo invarianta v pozdnej proze N.M. Karamzina* [The Plot Invariant in Nikolay Karamzin's Later Prose]. *Stefanos* [Stephanos]. 2019a, №3 (35), pp. 153–161. (In Russ.). doi: 10.24249/2309-9917-2019-35-3-153-161.
13. Mann Yu.V. *Dinamika russkogo romantizma* [Dynamics of Russian Romanticism]. Moscow, *Aspekt Press Publ.*, 1995. 384 p.
14. Pakhsaryan N.T. *Iskusstvo zhit' rokajl'no* [The Art of Living Rocaille]. *18 vek: Iskusstvo zhit' i zhizn' iskusstva* [18th Century: The Art of Living and the Life of Art]. 2004, pp. 272–279. (In Russ.).
15. Pakhsaryan N.T. *Osnovnye literaturnye napravlenija XVIII veka* [The Main Literary Trends of the 18th Century]. *Istorija zarubezhnoj literatury XVII—XVIII vekov: Uchebno-metodicheskoe posobie* [The History of Foreign Literature of the 17—18 Centuries: Educational-Methodical Manual]. Moscow, *Izdatel'stvo ROU*, 1996, pp. 59–68.
16. Rousseau J.-J. *Yuliya, ili Novaya Eloiza* [Julie, or the New Heloise]. Moscow, *Khudozhestvennaya Literatura Publ.*, 1968. 774 p.
17. Sapchenko L.A. «Chuvstvitel'nyj i holodnyj» N.M. Karamzina i tipologija «dveh harakterov» v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka [“The Sensitive and the Cold” by N.M. Karamzin and the Typology of “Two Characters” in Russian Literature of the first half of the 19th century]. *Karamzinskij sbornik: Tvorchestvo N.M. Karamzina i istoriko-literaturnyj process* [The Karamzin Collection: N.M. Karamzin's Creativity and Historical-Literary Process]. 1996, pp. 93–101. (In Russ.).
18. Tiraspol'skaja A.J. *Povest' N.M. Karamzina «Julija»: nabljudenija nad kompoziciej proizvedenija* [The Narrative “Julia” by N. M. Karamzin: Observations on the Work Composition]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. Peterburgskie chtenija — 2015* [Printing and Word of St. Petersburg. Petersburg Readings — 2015]. 2016, pp. 32–36. (In Russ.).
19. Udodov B.T. *Lermontov: hudozhestvennaja individual'nost' i tvorcheskie processy* [Lermontov: Artistic Individuality and Creative Processes]. Voronezh, *Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta*, 1973. 702 p.

Поступила в редакцию 27.07.2023

Принята к публикации 17.10.2023

Отредактирована 08.11.2023

Received 27.07.2023

Accepted 17.10.2023

Revised 08.11.2023

ОБ АВТОРЕ

Лочмелис Елизавета Романовна — аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета имени М.В. Ломоносова; dostfm182181@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Elizaveta Lochmelis — PhD Candidate, Department of Russian Literary History, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; dostfm182181@mail.ru